

Павел ТЕПЛЯШИН,

доцент Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОСУЖДЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ И НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК) одной из задач отечественного уголовно-исполнительного законодательства является охрана прав, свобод и законных интересов осужденных. Следовательно, законные интересы осужденных представляют собой относительно самостоятельный объект правовой защиты. Вместе с тем с точки зрения естественно-правового и позитивистского типов правопонимания в механизме правовой регуляции должно гармонично сочетаться признание (санкционирование) и закрепление (позитивация) правовых благ. С одной стороны, важно познать ценностную установку права в части закрепления такой дефиниции, как «законный интерес», выявить роль и место этой категории в регуляции общественных отношений и исправлении преступника, дать четкое понятие законному интересу осужденного лица. С другой стороны, необходимо подвергнуть критике утверждение о том, что охрана законных интересов осужденных выступает задачей именно законодательства. Ведь важность социального статуса личности предполагает ее связь с государством, гарантирующим ролевую значимость каждого индивидуума в общественных отношениях, и непреложность индивидуальной ценности личности. Как представляется, решение данной задачи в законодательстве не отражает правовую сущность жизненных ситуаций, требующих соответствующего юридического разрешения, но лишь учитывает формально-нормативный характер преобразований правовой материи.

Анализ категории «законные интересы осужденных» приводит к мысли о том, что

потребность в ее использовании обусловлена необходимостью отражения в законодательстве фактически складывающихся общественных отношений в исследуемой области и расширения арсенала юридических средств воздействия на поведение их субъектов. Однако думается, что закрепление данной категории в уголовно-исполнительном законодательстве больше носит декларативный характер, является данью формального закрепления международных стандартов в области прав человека, нежели отвечает реальным потребностям повышения исправительного эффекта уголовного наказания. Вероятно, ценностная установка уголовно-исполнительного права в части закрепления важности охраны законного интереса осужденных как раз и состоит в возвышении практической значимости законодательства и исправительного воздействия уголовного наказания.

Роль законного интереса в регулировании уголовно-исполнительных отношений заключается в его функциональной направленности. Речь идет в первую очередь о воспитательной и регулятивной функциях, которые, безусловно, тесно взаимосвязаны между собой и поэтому не проявляются в «чистом» виде. Так стремление осужденного лица пользоваться различными социально-правовыми благами позволяет обнаружить его нравственные потребности и, возможно, степень исправления. Например, предоставление осужденному лицу (ст. 97 УИК) возможности краткосрочного выезда за пределы исправительного учреждения имеет высокую воспитательную функцию и предполагает своеобразное «высвечивание»

позитивных свойств данной личности через механизм оказания ей доверия.

Регулятивная функция проявляется в маневрировании законного интереса между диалектическим взаимодействием императивных и диспозитивных начал в праве, публично-правовых и частно-правовых юридических конструкций, т. е. позволяет в рамках уголовно-исполнительных отношений, являющихся по своей сути императивными, учитывать частные интересы как осужденного, так и администрации учреждения, исполняющего уголовное наказание. Так предоставление осужденному лицу возможности передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения (ст. 96 УИК) позволяет учитывать как его интересы в обладании им большей свободы в условиях изоляции от общества, так и интересы администрации исправительного учреждения в решении необходимых хозяйственных вопросов.

При этом важно заметить, что общественные отношения, выступающие предметом регулирования публичного и частного права, постоянно находятся в соответствующей динамике. В этом случае приоритет публично-правовым или частно-правовым юридическим конструкциям всегда отдавался с учетом характера потребностей общества и государства. Повышение значимости уголовно-исполнительных отношений, основанных на самоответственности субъектов привело к активному использованию частно-правовых конструкций в регулировании процесса отбывания уголовного наказания.

В связи с этим показателен пример из судебной практики, демонстрирующий примат публично-правовых начал в регулировании уголовно-исполнительных отношений. Хабаровским краевым судом Т. осужден к пожизненному лишению свободы с отбыванием первых 15 лет в тюрьме. Администрация тюрьмы, в которой отбывает наказание осужденный, обратилась в суд с ходатайством о зачете времени содержания данного лица под стражей до вступления приговора в законную силу в срок отбывания наказания в тюрьме. Хабаровский краевой суд 24 октября 2007 г. вынес постановление об

удовлетворении ходатайства. Однако осужденный Т. в кассационной жалобе просил постановление отменить и производство по делу прекратить, ссылаясь на отсутствие его ходатайства о рассмотрении данного вопроса и на нарушение его прав. В результате вопрос был решен Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая своим постановлением от 3 июня 2008 г. постановление судьи Хабаровского краевого суда оставила без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения. В постановлении указано, что этот вопрос не был решен судом первой инстанции лишь в связи с тем, что изменение редакции ч. 2 ст. 58 УК РФ было осуществлено после постановления приговора, поэтому «судья Хабаровского краевого суда применил к осужденному закон, улучшающий его положение ...Отсутствие его ходатайства о рассмотрении данного вопроса не нарушило охраняемые законом его интересы и не могло повлиять на вынесение законного и обоснованного решения»¹.

Как представляется, данное судебное решение устраняет диспозитивные начала в регулировании уголовно-исполнительных отношений. По существу оно как раз не позволяет учитывать законные интересы осужденного лица, не отражает унификацию юридических правил изменения его правового положения. Указание в определении Судебной коллегии на то обстоятельство, что отсутствие ходатайства осужденного не нарушило охраняемые законом его интересы, противоречит традиционному сложившемуся представлению о законных интересах как о стремлении субъекта пользоваться определенным социальным благом. В рассмотренном примере такое «стремление» было полностью проигнорировано.

Кроме того, действующее уголовно-исполнительное законодательство важное место в процедуре улучшения правового положения осужденного отводит его ходатайству. В частности, о таком ходатайстве идет речь в ст. 175 УИК «Порядок обращения с ходатайством об освобождении от отбывания наказания и представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания», где регулируется проце-

¹ Рассмотрение вопроса о зачете времени содержания под стражей в срок отбывания наказания в тюрьме по ходатайству администрации тюрьмы, в которой отбывает наказание осужденный, соответствует требованиям закона (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 июня 2008 г. № 58-008-8) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 12. С. 15).

дура одного из вариантов улучшения правового положения осужденного. Наряду с данным вариантом зачет времени содержания под стражей в срок отбывания наказания в тюрьме также выступает улучшением правового положения осужденного, но порядок учета законных интересов осужденных в данных вариантах различен. Данная аритмия формально-нормативного и судебно-правоприменительного подходов в правовом регулировании уголовно-исполнительных отношений свидетельствует об отсутствии гармоничного сочетания естественно-правового и позитивистского типов правопонимания, не способствует достижению исправительного эффекта уголовного наказания.

Необходимо отметить, что в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует единообразный подход к отнесению конкретных социально-правовых благ к законным интересам либо субъективным правам. Происходит это по существу в условиях, когда ценность конкретного блага не может быть охвачена определенной нормой права. В этом случае используется прием декларирования соответствующих социально-правовых ценностей, тогда как их регулирование «выпадает» из механизма нормативного воздействия на общественные отношения. В частности, понятие «исправление осужденных» в ч. 1 ст. 9 УИК закреплено как «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения», тогда как конкретная формализация процесса исправления по существу отсутствует.

В связи с неспособностью уголовно-исполнительных норм «вплестаться» в фактический процесс исправительного воздействия и абстрагированностью нормативных предписаний от данного процесса в последнее время возрос научно-практический интерес к двум проблемам — понятию исправления осужденных и степеням такого исправления.

Сущность законных интересов состоит либо в нецелесообразности закрепления, либо инструментальной невозможности отражения в конкретной уголовно-исполнительной норме всех жизненных случаев и ситуаций, которые могут приводить к появлению у субъектов правоотношений стремления воспользоваться определенным соци-

ально-правовым благом. Например, законодатель в ч. 3 ст. 121 УИК не уточняет, при соблюдении каких конкретно условий осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации могут быть за шесть месяцев до окончания срока наказания освобождены из-под стражи и проживать за пределами исправительной колонии. Практически такими условиями выступают: отсутствие у осужденного взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания; положительная характеристика; добросовестное отношение к труду; наличие родственников и средств к проживанию за пределами исправительного учреждения и другие обстоятельства, перечень и содержание которых зависит от конкретного случая.

Таким образом, законодатель признает за осужденными как участниками уголовно-исполнительных отношений наличие целого ряда «неучтенных» законных интересов, ради которых данные лица готовы к позитивному и, следовательно, необходимому для государства поведению. В связи с этим законный интерес в системе уголовно-исполнительных правоотношений выступает важным «рычагом» стимулирования исправления осужденного лица.

О присутствии законных интересов в механизме правового регулирования уголовно-исполнительных отношений говорят также соответствующие юридические конструкции. Например, осужденным, находящимся в строгих условиях отбывания наказания либо отбывающим меру взыскания в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах, телефонный разговор может быть разрешен лишь при исключительных личных обстоятельствах (ч. 3 ст. 92 УИК). Использование таких конструкций, как «исключительные личные обстоятельства», «исключительные случаи», «уважительные причины», свидетельствует о проявлении диспозитивности правового регулирования общественных отношений и признании тех форм реализации своего правового статуса участниками данных отношений, которые в конкретной жизненной ситуации являются наиболее рациональными и приемлемыми для достижения цели исправления осужденных лиц с позиций правоприменителя. Подобное проявление диспозитивности стимулирует и правовую ак-

тивность осужденного как участника уголовно-исполнительных отношений, что также способствует его исправлению.

Оптимальным проявлением «жизни» законного интереса выступает договор (соглашение, контракт), поскольку каждая из сторон договорного правоотношения действует в соответствии со своими законными устремлениями, ориентируясь лишь на законодательные требования к форме и условиям таких отношений. В связи с этим достаточно конструктивным видится заключение с лицами, осужденными к отбыванию уголовного наказания в виде лишения свободы, своеобразного соглашения, реализуемого в форме персональной программы отбывания наказания.

Данная программа позволила бы, во-первых, закрепить соответствующие позиции сторон, опирающиеся на те интересы, которые опосредовать в правовых нормах невозможно, во-вторых, максимально учесть особенности личности осужденного лица, в-третьих, предельно персонифицированно закрепить взаимовыгодный порядок отбывания наказания, включающий особенности прав и обязанностей, режима, воспитательной и психологической работы, профессиональной подготовки и труда осужденного.

В этой связи показателен зарубежный опыт. В частности, начиная с конца 90-х годов прошлого столетия в практику обраще-

ния с заключенными в тюрьмах США и Англии активно внедряется составление индивидуальной программы поведения осужденного лица. Детализация правового статуса заключенного в данной программе основывается на всестороннем учете всех индивидуальных социально-психологических особенностей его личности. Программа закрепляет ряд персональных мер, отражающих как режимные мероприятия, направленные на предупреждение угрозы самоповреждения, суицида, побега, насилия со стороны других осужденных и персонала, так и сугубо исправительные, предусматривающие особенности лечебно-оздоровительных, досуговых, спортивных, коммуникативно-социализирующих и адаптационных мероприятий².

Таким образом, персональная программа отбывания наказания демонстрирует естественно-правовой тип правопонимания и является способом преодоления недостаточно гибкой позитивистско-нормативной модели регулирования уголовно-исполнительных отношений, требующих более рельефного учета интересов их участников. Правовая норма, бесспорно являясь универсальным регулятором общественных отношений, все же не может выступать универсальной формой опосредования разнообразных интересов личности, ее стремлений на обладание социально-правовым благом.

² Wortley R. Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions / R. Wortley. Cambridge: University Press, 2002. P. 95-96, 113, 151, 204.